ПОЭТОГРАД

№ 2
Сентябрь
2010

Издатель Холдинговая компания «Вест-Консалтинг»

Газета выходит с 2010 года 2 раза в месяц

В номере:

Поэзия
Ольги Денисовой
Наталии Лихтенфельд
Елены Зейферт
Анатолия (Джорджа) Гуницкого
Ивана Табуреткина

Пародии
Евгения Минина

Афоризмы
Веселина Георгиева

Марина Саввиных об Александре Петрушкине

НОВОСТИ ПОЭТОГРАДА

РЕЙТИНГИ ПОЭТОВ

Холдинговая компания «Вест-Консалтинг» провела социологическое исследование на тему «рейтинги поэтов».

В опросе участвовало 10 фокус-групп (в общей сложности 300 человек). Опрос проводился 15 - 20 сентября 2010.

В дальнейшем подобные опросы будут проводиться холдингом «Вест-Консалтинг» регулярно.

Руководитель проекта — Евгений Степанов.

Сергей КИУЛИН

МНЕНИЕ ЛИТЕРАТУРНОГО СООБЩЕСТВА

(В опросе участвовали члены Союза литераторов России, Союза писателей Москвы, Союза писателей Санкт-Петербурга, МГО СП России)

50 ЛУЧШИХ ПОЭТОВ XXI ВЕКА

1. Белла Ахмадулина
2. Виктор Соснора
3. Геннадий Айги
4. Всеволод Некрасов
5. Дмитрий Авалиани
6. Юнна Мориц
7. Сергей Мнацаканян
8. Юрий Влодов
9. Семён Липкин
10. Евгений Рейн
11. Константин Кедров
12. Юрий Кублановский
13. Константин Ваншенкин
14. Борис Гребенщиков
15. Татьяна Бек
16. Алексей Дидуров
17. Александр Ерёменко
18. Иван Жданов
19. Алексей Парщиков
20. Елена Кацюба
21. Сергей Бирюков
22. Тамара Буковская
23. Василий Казанцев
24. Слава Лён
25. Контантин К. Кузьминский
26. Борис Рыжий
27. Ольга Иванова
28. Алексей Цветков
29. Валерий Прокошин
30. Денис Новиков
31. Андрей Вознесенский
32. Владимир Бояринов
33. Юрий Милорава
34. Татьяна Щербина
35. Марина Кудимова
36. Владимир Алейников
37. Борис Гринберг
38. Виктор Кривулин
39. Олеся Николаева
40. Вячеслав Куприянов
41. Александр Кушнер
42. Сергей Стратановский
43. Юрий Беликов
44. Дмитрий Цесельчук
45. Дмитрий Быков
46. Сергей Гандлевский
47. Валерий Шерстяной
48. Ры Никонова
49. Сергей Сигей
50. Евгений Лесин

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

Друзья!

Вышел второй номер специализированной газеты «Поэтоград».

Поэзия — это национальная идея России.

Здесь, наверное, каждый второй пишет (или писал) стихи. Не у всех, конечно, получается хорошо. Но у многих действительно получается.

Творить, сочинять, создавать новые миры... Это то, что могут русские люди, жители России. Все остальное у нас получается хуже.

Может быть, мы действительно созданы только для стихов?

Евгений СТЕПАНОВ

МНЕНИЕ НЕЛИТЕРАТУРНОГО СООБЩЕСТВА

(В опросе участвовали лица в возрасте от 23 до 83 лет, не имеющие высшего филологического образования)

50 ЛУЧШИХ ПОЭТОВ XXI ВЕКА

1. Андрей Дементьев
2. Белла Ахмадулина
3. Илья Кормильцев
4. Илья Резник
5. Евгений Евтушенко
6. Лариса Рубальская
7. Александр Розенбаум
8. Андрей Макаревич
9. Борис Гребенщиков
10. Арлуша
11. Всеволод Емелин
12. Владимир Вишневский
13. Игорь Иртеньев
14. Вадим Степанцов
15. Александр Кушнер
16. Бахыт Кенжеев
17. Михаил Танич
18. Александр Вулых
19. Николай Добронравов
20. Андрей Вознесенский
21. Юрий Кублановский
22. Александр Ерёменко
23. Линор Горалик
24. Юнна Мориц
25. Константин Кедров
26. Евгений Бунимович
27. Максим Замшев
28. Юрий Энтин
29. Олег Митяев
30. Юлий Ким
31. Лев Котюков
32. Владимир Салимон
33. Элана
34. Евгений Лесин
35. Андрей Родионов
36. Сергей Гандлевский
37. Борис Рыжий
38. Вячеслав Лейкин
39. Сергей Мнацаканян
40. Дмитрий Быков
41. Лёша Ефимов
42. Виктор Соснора
43. Константин К. Кузьминский
44. Сергей Бирюков
45. Александр Тимофеевский
46. Тим. Собакин
47. Инна Лиснянская
48. Эдуард Успенский
49. Аркадий Арканов
50. Анатолий Осенев

Как видим, мнения литературного и нелитературного сообществ разделились. Вместе с тем, есть поэты, которые занимают лидирующие позиции и в среде профессионалов, и в среде читателей.

Это Белла Ахмадулина, Андрей Вознесенский, Константин Кедров, Александр Кушнер, Сергей Бирюков, Константин К. Кузьминский, Сергей Мнацаканян, Дмитрий Быков, Юрий Кублановский, Александр Ерёменко, Сергей Гандлевский, Борис Рыжий...

На сегодняшний день поэт XXI века по версии холдинга «Вест-Консалтинг» – Белла Ахмадулина.

Поздравляем многоуважаемую Беллу Ахатовну!

Редакция газеты «Поэтоград»

ПИСАТЕЛИ НА ФЕСТИВАЛЕ В КРЫМУ ОПРЕДЕЛИЛИ ЛАУРЕАТОВ ВОЛОШИНСКОЙ ПРЕМИИ

Вручение Волошинских премий, которые присуждаются на Международном литературном фестивале имени поэта и художника Максимилиана Волошина, состоялось вечером в пятницу в крымском курортном поселке Коктебель под Феодосией, передает корреспондент РИА Новости.

Фестиваль, который начался 13 сентября и завершится 20 сентября, организовали Дом-музей Волошина в Коктебеле, Союз российских писателей и украинский журнал «ШО» при поддержке Совета министров Крыма. В Коктебеле собрались поэты и писатели из России, Украины, Белоруссии, Казахстана, Германии, США и других стран.

Вручение премий на вилле «Бассо», принадлежащей концертмейстеру московского Большого театра Алле Басаргиной, стало главным событием фестиваля, на который приехали около 100 русскоязычных писателей, поэтов и литературных критиков из разных стран. Фестиваль носит имя поэта и художника Максимилиана Волошина, чей дом в Коктебеле в начале XX века стал местом отдыха для многих деятелей искусства и крупным центром культурной жизни.

Главную Волошинскую премию в номинации «За вклад в культуру» получила Сельма Ансира — автор многочисленных переводов русской художественной прозы и стихов XIX и начала XX века на испанский язык.

«Ее перевод статьи Марины Цветаевой «Живое о живом», посвященной Максимилиану Волошину, вызвал в испанском мире всплеск интереса к поэту», — сказал один из организаторов литературного фестиваля, российский поэт Андрей Коровин во время награждения переводчицы.

Вместе с дипломом Сельма Ансира получила чек на 3 тысячи долларов от спонсора премии.

Премию в номинации «Лучшая поэтическая книга 2009 года» и 2 тысячи долларов жюри под руководством поэта Евгения Рейна присудило литератору из Подмосковья Александру Переверзину.

Дмитрий ЖМУЦКИЙ, РИА «Новости»

ОЛЬГА ДЕНИСОВА
ДВЕРЬ В СТАРЫЙ ДОМ

* * *

Проливной июньский дождь
и листва умытая.
Ты чего от ночи ждешь,
память неубитая?
То ль грозы неясный гул,
то ль дождя шуршание...
Посмотри, как день уснул –
сном очарования.
Разбудил твою вину
каплями озяблыми
тот, прибившийся к окну,
лист дикарки-яблони.
И опять тебя, как встарь,
тронет жест просителя.
И работает фонарь
сцены оформителем.
И уже летит душа
обреченным поездом.
А навстречу ей спешат
сожаленья поздние.
Память мечется в окне,
брошенным поклонником,
и колотит дождь по ней,
как по подоконнику.

* * *

Памяти А. Вознесенского

Поэты уходят, как бренные люди,
уже не за славой.
За той переправой
их ждут уже кони
и прядут ушами.
Но дремлет возница, укутанный шалью.
Не будет погони.
Уходят...
Не будет...
Подальше, подальше от этого бала,
по тайным тропинкам,
где нету вокзала,
причала,
иль взлетной блестящей дорожки.
Во рту ни росинки,
в котомке ни крошки.
Уходят взаправду,
не понарошку.
А их половинки –
огни-невидимки –
им путь освещают
и нам возвращают
лишь отблески света.
А спелого лета
на миг нас согреет настоянный запах
на почках сосновых, еловых.
На лапах
барсучьих, енотовых, мягких и страшных
придет не с бурлящею чашею бражной,
не с бряцаньем брашным,
последнего отзвука слабая нота...
Уже неземная,
не наша
работа.
В ней нет ни поклона, ни стона, ни звона.
В ней нет ни привета,
ни тени, ни цвета.
Ну как нам постичь его, звук удаленный,
как кофр зачехленный,
как нерв оголенный?
И что нам осталось теперь на земли?
Ящик с аккордеона?
А музыку...
унесли.

* * *

Клубника, черешня и абрикосы на рынке.
Веснушки, полоски незагоревшего тела.
Майки, ветровки, кардиганы и топики.
Пионы, сирень, ландыши, ирисы.
Белые ночи, долгожданные каникулы.
Соловьи, комары, «шведы», подлещики.
Полноводные, по-библейски бесконечные дожди.
Истерически комплексующее солнце
С престарелым месяцем на небе одновременно.
День, не успевающий превратиться в ночь.
Ночь, бледная от постоянного невысыпания.
Напряженное ожидание чего-то хорошего,
что, кажется, вот-вот наступит, ан нет...
Ужасающая скорость, с которой улетают дни...
Июнь в северном городе,
похожем на сон великого человека.

ЛЕТО

Как много в жизни было Лет!
Июнь, июль иль август жаркий,
И к дню рождения подарки,
И с дачи пестренький букет.

Как много в жизни было Лет!
Не зим, не весн, а тех мгновений,
Что нам давались в утешенье
За месяцы тревог и бед.

Пейзаж, как символ этих дней,
Живущий у судьбы в подкорке,
С рекой, бегущей под пригорком
С понтонным мостиком над ней.

Вновь нет житья от комаров.
И точки красные на теле
От вымахавшей за неделю
Крапивы в буйстве лопухов.

Мы вновь калитку отворим,
И не предстанет, а нахлынет:
Колодец ветхий и за ним
Кусты безудержной малины.

Ты дверь откроешь в старый дом –
И все вернется!
Вновь вернется!
Я наклонюсь за огурцом,
А толстый шмель мне в руку ткнется.

Какое счастье – снова гром!
Какое счастье – дождь желанный!
На табуретке три стакана,
И значит, мы опять втроем.

...Все оборвалось как-то вдруг,
Как принято на этом свете.
Купалась, словно в счастье, в лете,
И вот меня сковал недуг.

Ну, что ж, умела нагрешить –
Так и сумей держать ответы!
И высший суд –
помилуй! –
Лета! –
Решил в тот год меня лишить!

От боли я боялась спать,
И, как Аксинья с коромыслом,
Не только в переносном смысле
Не смела головы поднять.

И вот лежу, таблетки ем.
И ясно все, как на картине.
На тети Машиной перине
Я вдруг пойму:
за что, зачем.

Пойму, как много было Лет,
И то, что я еще в дороге!
И поклонюсь за опыт строгий,
За просиявший этот свет.

Не наказанье за грехи! –
Такая у Него работа...
Спустя 15 лет – «всего-то!» –
Я
снова
сочиню
стихи!

ФЕОДОСИЯ

Лимоновой полыни запах
И новых масляных картин,
Где генуэзцы в пышных шляпах
У скал в поселке Карантин,
Где цвет волны зелено-четкий
Без примеси цветов других,
Где можжевеловые четки
И жемчуг из глубин морских.
Где столик слева от порога
И колченогий табурет.
На пляж тенистая дорога.
Резной ореховый буфет.
В саду навес, под ним лежанка.
О, как же веселит легко
Феодосийская Тамянка
В рюмашках стиля рококо!

* * *

Стрижи улетели. И в небе свинцовом,
Где тени от туч – словно рвы обороны,
Облиты обветренным солнцем пунцовым, –
Как символ заката, летают вороны.

Ну что же! Теперь им соперников нету.
И, с маху вписав себя в племя отважных,
То каркают вслед уходящему лету,
То машут крылами
нестройно и важно.

Опять нам на осень настраивать души!
И плачет наш садик росою утраты,
Где грустно желтеют поспевшие груши
И весь в паутине крыжовник помятый.

В ХРАМЕ

В рассветном, летнем храме гулко.
В нем служб
грядет еще черед.
По тихим, сонным переулкам
Еще течет сюда народ.

Еще две-три мерцают свечки
Вдали, у праздничных икон.
И редкий говор человечий
Еще похож на тихий стон.

И, к вечной тайне приобщенный,
Какой-то детский голосок
В мольбе коленопреклоненной
Так внятен, истов и высок!

Тень по витражному оконцу
Скользнет,
и вот он – первый глас!
И свет родившегося солнца
Вдруг брызнет с купола на нас.

Здесь нет уже сейчас нас – прежних.
Ты в небо, общий вопль, лети:
«Помилуй, Господи, нас, грешных,
И все грехи нам отпусти!»

НАТАЛИЯ ЛИХТЕНФЕЛЬД
ДОЛГИЙ ПУТЬ

* * *

Запахи смога, полыни, секвоя
В супе с котом,
непроваренном, временном.
Это все выдумки Оле Лукойе
С пестрым зонтом,
На Таганке потерянным, –
Жизни заторканной на субмарине
Комнаты.
В шторах – в твоей синеве.
Зонтик был куплен
В осеннем Берлине.
А заблудился –
Где-то в Москве.
В парке, в метро,
На распаренной улице...
Эта примета – отнюдь не беда:
Как бросишь монету,
Чтобы вернуться,
Чтобы вернуться – но только куда?

* * *

Коммунальная кухня.
Капелла. Храм.
Четыре яруса длинных.
Стул перед белой стеной,
Мухи и куча мусора.
Но близкие люди летают вместе,
А в полдень
Хочется всем полетать.
Под звуки Масне,
Пересечения запахов,
Воспоминаний.
Хочется вылететь через дыру в потолке,
Крепко сжимая в ладошке ладонь твою.

* * *

Это не моя тоска, не моя грусть.
Душа чужая живет во мне
И кричит от боли.
Чужую боль запиваю кофе со сливками
Без пяти девять утра.
А моя – на дне чашки.

* * *

В суете городского болота
На твоем одиноком пути
Вдруг возникнет небесное что-то,
От чего невозможно уйти.

И от этой неведомой грусти
Будет в мыслях твоих кавардак.
А потом понемногу отпустит.
А потом будет снова – никак.

* * *

Когда тебя берут за руку
И ведут по длинному коридору в никуда –
Становится страшно.
Но страх перекрывает нелогичное
в данной ситуации
чувство... нежность.
Нежность убивает страх.
Тебе не хочется спасаться.
Ты смотришь в себя.
Ты кажешься себе идиоткой.

* * *

Как жаль, что я не Голиаф,
Он был и крепок, и спокоен.
Мой ангел спрятался за шкаф,
А я одна – не в поле воин.
Никто на помощь не придет
Дурной овце по кличке Долли.
Мой ангел спит и водку пьет,
А я одна – не воин в поле.

* * *

чистилище круГОМ и КРУгом
из-за напрасной маленькой надежды,
а дальше – всяк оставь ее, входящий,
где сумерки и нечего терять,
но кажется, что там-то будет легче...

* * *

Все как обычно.
Пасторальный денек
Возвращается в ту хижину,
В те хоромы, в те палатки.
Только все исследовано
Вдоль и поперек.
И не осталось загадки.
Буду пеплом расплюснутая,
Тем паче – коньяком.
Палец прижатый –
На пульсирующую еще аорточку.
Лежу распластанная
И как перед Богом – голышом.
А солнечный зайчик
В ладони проклятой
Вырывается, уплывая в форточку.

* * *

В холодильнике пиво кончается.
Жарко и душно.
Мои чакры раскрыты.
И пьет он из них – сколько нужно.
В одну реку не входят дважды.
Уйду – и умрет от жажды.
Или выход найдет срочный, –
Другой разыщет источник.
А нем вода – ни жива, ни мертва.
Не все коту – масленица.

* * *

Судьба вершила долгий путь
И повторяла, утешая,
Что, может быть, когда-нибудь
Я испытаю прелесть рая.
Судьба клялась: не подведу,
Заботясь о насущном хлебе,
И я уже была на небе,
Еще не побывав в аду.

* * *

Видеть то, чего нет во мне;
Изгибы изъянов хитрости,
Превосходящей хитрость химеры.
Маленькая перламутровая пуговица,
Никому не нужная и вышедшая из моды,
Была когда-то раковиной, в которой плавала
жемчужина.
А жемчужину выдрали и раздолбали в пыль, в порошок.
Необходимо
Срочно пришить перламутр к рукаву пиджака,
Повторяя в сонном бреду, что так, вероятно, красивей.

* * *

Когда придешь ты, одинокий, в этот мир,
Не многим пожалеть тебя назначено.
Ты их не растеряй.

* * *

Замечаю каждую мелочь.
Соринку в глазу у себя и других.
Желания.
Скрытые тайны.
Плацебо эффект –
Пустышку, которая лечит на время,
А дальше...

* * *.

Е. С.

Не тяготило молчание – вето
На поэтический иконостас.
Долгие годы бок о бок с поэтом,
С Музой чужой, разлучающей нас.
Расположившейся в креслах метрессой.
В том ли беда, что в сетях ремесла,
Я не считала себя поэтессой.
Просто любила, дышала, жила.
Даже теперь не нужна мне обуза –
Рифмосплетения металлолом.
И понапрасну воскресшая Муза
Повелевает не думать о нем.

РЕКЛАМА

Издадим и сделаем известной Вашу книгу.

Тел. Холдинговой компании «Вест-Консалтинг»
+7 (495) 978 62 75

Издания Холдинговой компании «Вест-Консалтинг»:
- «Знание-сила. Фантастика» – литературно-художественный журнал
- «Литературные известия» – газета
- «Поэтоград» – газета
- «Дети Ра» – международный литературно-художественный журнал
- «Крещатик» – литературный журнал
- «Зинзивер» – литературно-художественный журнал
- «Футурум АРТ» – литературно-художественный журнал
- «Другие» – международный журнал визуальной поэзии
- «Персона PLUS» – Интернет-журнал
- «Илья» – альманах

УЛИЦА СОНЕТОВ

ЕЛЕНА ЗЕЙФЕРТ

ИЗ ТЕПЛЫХ, ТОНКИХ ЖИЛ

СОНЕТ ВОСКРЕСЕНИЯ АПЕЛЬСИНОВ

Я тку стихи. Из теплых, тонких жил...
Теряю кровь, сознание, терпенье,
Чтобы узнать, как текст стихотворенья
Ложится житом – благостным из жит...

Что может текст?.. В руках ребенка – жизнь,
В оранжевом плоде живет рожденье,
Глубокий первый вдох, и новый день, и...
Нет, зернышко уже в пыли лежит...

Но, в строчках ухватив сей мезальянс
Души ребенка с силой исполина,
Что делать дальше жителям Земли?..

Да просто слиться в мировой романс!
Деревьями воскреснут апельсины
Из зернышек, растоптанных в пыли.

НИКТО

Я Пимен твой. Я скульптор твоей тени.
Я чистильщик камзола твоего.
Я та, что есть на свете без сомнений,
И та, что может все из ничего.

А ты Давид. Ты статуя нагая.
(Камзол висит на стуле до утра.)
Ты, как слепец, уверен – я такая
И буду вечным светоносным Ра.

Но я не Феникс. Я живу однажды.
Я Жанна д'Арк, уснувшая от жажды
Любви. Я Одиссей из шапито.

Я подожду, пока ты, ослепленный,
В пещере сердца дочерна влюбленный,
Взовешь «Кто ты?» и оглушу
«Никто!».

ФИЗИКО-ХИМИЧЕСКИЙ СОНЕТ

Ты сказала: «Все науки люблю.
Только физику и химию – не очень».
Нелюбовь твою сведу я к нулю
(Не по Цельсию), дружок, если хочешь?

За глаза твои полцарства отдашь,
А улыбка – ах, мои аплодисменты.
Ты прозрачна и чиста, словно Н-
два О. Смех твой серебрист, как Ag.

Притяжение к тебе, как к Звезде,
Разных душ и тел, их вращенье
Вкруг тебя соблюдается везде!

Против чар твоих бессилен термояд.
Если чуточку изменишь свое мненье,
Получу твой положительный заряд!

УЗКОКОЛЕЙКА ПАРОДИЙ

ЕВГЕНИЙ МИНИН

ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННОГО

ША

Шуман, Шуберт, Шопен – эти «ша»
Словно кем-то подобраны были...
Александр Кушнер

Музыканты в стихе – антураж,
Слово в нем глубоко и туманно.
Смысловой в нем заложен вираж,
Это «ша» мне пришло от шамана.
Впрочем, хватит загадок, шабаш.
Я открою вам все, без обмана.

Пушкин, Кушнер, Ершов... Эти «ша» –
Не шипящие звуки, заметьте,
Это признаки, что не спеша
Нас они приобщают к бессмертью.
Если ж нету в фамилии «Ша» –
То не выйдет у вас ни шиша

О ЗАДНЕМ МЕСТЕ

Ни день, ни ночь, ни вечер, ни рассвет.
Ни бред, ни явь, ни утро, ни закат.
Есть воздух – и его как будто нет.
А там, где перед – в то же время зад.
Юлий Ким

Случилось это все на склоне лет.
Писать я начал как-то невпопад.
Однажды забегаю в туалет,
И там, где перед, вдруг нащупал зад.

Был в ужасе, но все пошло на лад,
Востребован как бард и как поэт.
Спешу вперед и не смотрю на зад.
А что смотреть, когда его там нет!

НА ИЗНОС

Мы же, сидя на рояле,
воротя от жизни нос,
слали всех куда подале
и скучали на износ.
Надежда Мальцева

В жизни видела немало,
опыт всем необходим,
мы сидели, где попало:
где посадят – там сидим.
Но признаюсь, чтобы знали,
кайф ловили в тех местах,
где сидели на рояле,
а рояль стоял в кустах.
Все, что надо, было с нами –
юность, пачка папирос.
Со знакомыми парнями
мы скучали на износ.

УЖАСТИК

Но, если что, они тебя зарежут.
На пропитанье или как врага.
Владимир Рецептер

К артистам захожу как можно реже.
Когда не в духе – ухожу в бега.
Ведь если что, они тебя зарежут.
На чебуреки или как врага.
Прибьюсь к поэтам, но проблемы те же:
Стишок прочтешь, возвышен и крылат,
Так эти тут же правду матку режут,
И автора шинкуют, как салат.

СКОРБНОЕ

вот женщины ярче колибри
с пленительной тайной внутри
но все до единой погибли
склодовская скажем кюри
и вера холодная даже
ее здесь практически нет
чуть скажешь приятное даме
а та моментально скелет
Алексей Цветков

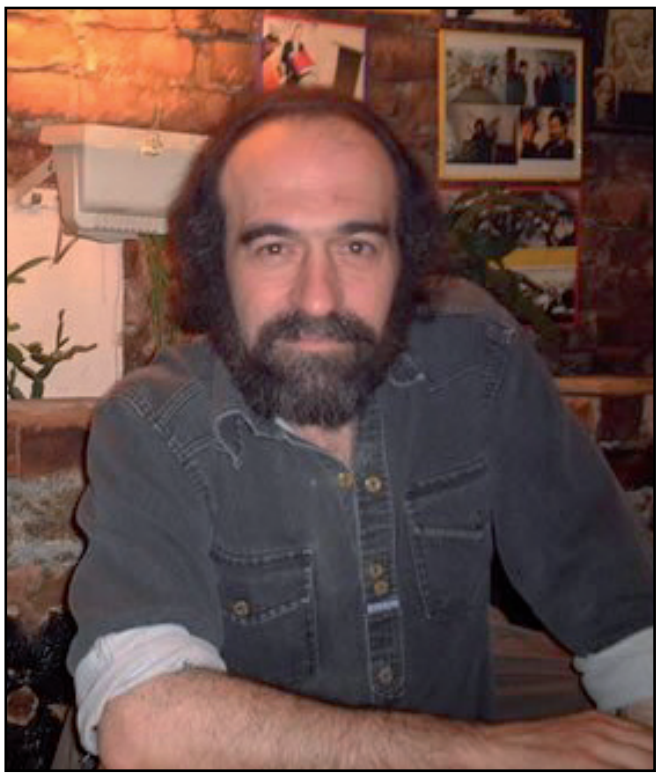
живу я практически в драме,
на слово хорошее скуп
скажу что-то милое даме
и та превращается в труп
я помню холодную веру
красива была и стройна
но ляпнул ма cher для примеру
пощупал уже холодна
склодовскую помню марию
однажды сказал комплимент
и та получив малярию
скончалась в единый момент
и чтобы не вышло все боком
жену не хвалю много лет
а то похвалю ненароком
и та моментально скелет

ДЕТСКИЙ СЕКРЕТ

Всю классику в доме держи под замком,
Чтоб чадо ее изучало тайком.
Марина Бородицкая

Стихи Бородицкой прибрал под замок!
Надеялся, что прочитает сынок.
При всех объявил, что хотя и люблю,
Того, кто откроет замок – отлуплю.
Ответил мне сын: Папа, что же с тобой,
Не прячь Бородицкую, словно Плейбой.
Меня не волнует твой страшный секрет,
Теперь у детей под рукой Интернет.

АНАТОЛИЙ (ДЖОРДЖ) ГУНИЦКИЙ
НАД ИЗУМЛЕННОЙ ПЛОЩАДЬЮ



О ТОМ, ЧЕГО НЕ МОЖЕТ БЫТЬ

Гипотезы. Версии. Предположения
О том, чего не может быть
Возле вздрагивающей во сне
Неизвестной планеты
Заплутавшей на другой стороне

Весной не стал разговаривать
Снял трубку, отвернулся
Застрял в середине жары
Это резонный вопрос
Прошло семнадцать лунных минут

Лабиринт линии горизонта
Становится неисчерпаемым.

УЖЕ ПОЗДНО

Мне показалось вчера, что сегодня...
Но потом – многое подзабыл
Запутался в крещендо аллитераций,
В паутине метафор, в галереях слов
Найденных, взорванных,
Рожденных, потерянных
Неизвестно когда.

Убрал несколько строчек со стены
Опять их повесил. Треугольник
Оказался непредсказуемо многогранным
С какой стороны не взгляни
Все равно аукнется,
Даже если не сразу откликнется.

Или спроси у осьминога Пауля
Он не ошибается.
Но не заводись сейчас.
Уже поздно.

КОГДА НАХОДИШЬ

Два.
Начало пятого.
Завтра.
Красный восход или черный

Полтора года сбоку.
Здесь. Сейчас. Там, тогда.
Место и цвет не имеют значения

Не замечаешь ничего
Когда находишь огонь
Внутри разорванного времени

НЕОЖИДАННЫЙ ПОВОРОТ

Неожиданный поворот темы
Гора обернулась рекой
По пальцам дерева
Выше, выше исчезает она
Потом рождается вновь

Вода уже на другом берегу
Где не была никогда

Гора полетела, промчалась
Над изумленной площадью
Разбросала звонкие камни

Теперь, десять суток подряд,
Никто не хочет домой
Какой неожиданный поворот...

НЕ ТАКОЙ, КАК ВСЕГДА

Любишь ли ты свою мать
Дитя, застрявшее в тени?
Еще не поздно
Растерянно развернуться

Выменять козырную карту
На индийский папирус
Не спеша проглотить
Полтора тома этнических сказок

Забыть о том,
О чем не мог знать
Голос становится ниже
Особенный, немного хриплый

Не такой, как всегда
Стихи прямого действия
Точно в сердце
Неважно, с какой строки их читать

ПСЕВДОСТАНСЫ

Поезд прибыл не вовремя
Опередил самолет
Прежде, чем было позже
На плечах зеленого мира

Расписание направления
Не имеет теперь значения
Проводник покорил стюардессу
На крыле одноместной каюты

Полдень взорвется скоро
Часа через три после ужина
Прикоснись к нему поскорей

ВЕСЕЛИН ГЕОРГИЕВ
ЛЮБОВЬ КОЛЮЧАЯ И ВСЕМОГУЧАЯ

Очаровательная женщина очарует тебя, а пойдет с другим.

Если женщина не соблазняется, либо она не женщина, либо ты не соблазнитель.

Грех изменять слабому мужчине, да и не изменять — тоже грех.

Брак — это эксперимент с весьма предсказуемыми последствиями.

Взгляд жены: «Дорогой, все наше, все общее, кроме того, что мое».

Глупо спорить с женщиной, если она умнее тебя или... глупее.

Разводы ведь тоже совершаются по любви. К другому.

Были бы у партнера купюры, дама обойдется без увертюры.

Женщины предпочитают тех мужчин, которые бросаются деньгами, а не словами.

Женщины странный народ: говоришь им комплименты, принимают за истину, скажешь истину — обижаются.

Капризы женщин происходят из-за моды, мода же — из-за капризов женщин.

Если у вас лишние деньги, отдайте их жене — у нее лишних не бывает.

Нет неприступных женщин, есть непробивные мужчины.

Равноправие: муж — с пьянки, жена — с гулянки.

Женщины, не набивайте себе цену, она и так нам не по карману!

Теперь моднее одета та женщина, которая более раздета.

Трагедия горячей любви в ее неизбежном охлаждении.

Женщины смотрят на себя в зеркало глазами мужчин, а мужчины на женщин — глазами хищника.

Порой из двух женщин выбирают... третью.

Память, возможно, нам чаще изменяет, чем женщины, но о первом знаем мы, о втором — они.

Идеальный брак: муж немой, жена глухая, и оба работают в разные смены.

Если простишь женщине один грех, она натворит еще три.

Брак — испытание чувств, развод — разума.

Чем женщина красивее, тем она вернее себе.

Замужнюю женщину страшит развод, разведенную — брак.

Иной раз, пока привыкнешь к женской психике, сам психом станешь.

У змеи яд в зубах, у женщины — на языке.

И дама сердца может застрять в печенках.

Счастье — это не зал ожидания, а расстояние между вокзалами.

Иным женщинам удается залезать одновременно и в душу, и в карман.

Порядочная женщина верна и мужу, и любовнику.

Для брака — нужна только одна женщина. Для развода — две, а то и больше.

Теперь не проблема раздеть женщину. Проблема в другом: на что одеть.

В сексе возможны два варианта: как всегда или как никогда.

Завидую не тому, кто раздевает девушку, а тому, кто ее одевает.

Хочешь найти общий язык с женой, придется прикусить свой!

Можно жить и под каблуком, если он золотой.

ИВАН ТАБУРЕТКИН
УГЛЫ И ГРАНИ ОТРАЖЕНИЯ

* * *

Уроком не в руку разине:
иной продувной добровей
берет непременно борзыми
стишками легавых кровей.

На том и не высохнет Волга,
Москва не поймет батогов,
что чувство картежного долга
иных непременней «долгов».

Сей жребий на свадьбе собачьей
едва ли того обошел,
кто мечен от бога задачей,
да чертом удачи лишен.

Отсюда надрывы и драмы
растрат до расплат позарез...
Но, право, картежные дамы
скромнее иных «поэтесс».

А нашей поэзии солнце
от века сидит на цепи,
в мошне да в окне пошехонца
(а ты, патриот, претерпи!).

И как тут к сукну не скатиться
по случаю, ради христа?
Но – солнышку все да простится,
хоть та же собачья верста.

Тут дрогнул, там накуролесил
повесой – да не к потолку! –
но Анну (Петровну) повесил
на шею назло муженьку.

Отвел в белокаменной душу
к зеленой заначке стола,
плеснул закадыкой «кликушу»,
огнем полыхнул в купола.

Была не была! – златоглавой
отвесил поклон неземной,
обвешен немилой оравой,
потешен постылой весной.

Толкнул призамерзшего ваньку
и тронулся к хамам своим
по няньку, по русскую баньку –
духовною жаждой томим...

СЛОВО О ХРИПЕ

Ходу, думушки резвые, ходу!
Слова, строченьки милые, слова!
В. Высоцкий

Ах, как давно я не был на Таганке!
Да был ли я когда-нибудь на ней?
Теперь в цене певцы иной чеканки:
их кони и ленивей, и жирней!

В который раз весна вздувает жилы –
но стынет кровь и пенится вода,
а на краю ухоженной могилы
хрипит очередная джигурда.

Ах, как давно я не топтал Таганки!
Мне век свободы снова не видать,
поскольку в рост до звезд пошли поганки,
за пенку в банке радые продать.

Да, я не свят: бессребреником не был –
все промотал за слово-серебро.
Но кто сказал, что хрипом люб я небу,
когда земле я выхрипел добро?

И снится мне: я на Таганке снова,
где пир чумной, где кровью из обнов
хрипит душа, выхаркивая слово
в кривой эфир бездарных хрипунов.

И мнится мне не золото – молчанье,
когда бичи, мычанье, бубенец!
Затем ли мать не знала сна ночами,
когда струну в строку вплетал юнец?

Но дайте срок: я вышагну в Таганку
не из-под рамки, а из-под земли
и серебром струны мигну подранку –
и он поймет, чьи кони понесли!

Я малых сих до ярости ревную
и не отдам в шестерки хрипунам,
иначе сам забуду мать родную –
и только хрип останется сынам...

«Ходу, думушки резвые, ходу!
Слова, строченьки милые, слова!»

НЕПОСЛЕДНЯЯ ОСЕНЬ

Эта осень не станет последней:
слишком много в ее желтизне
привидений, знамений и бредней,
обращающих сердце к весне.

Капля клена рубиновым сгустком
просочится сквозь мертвую бязь
белизны – и по девичьим хусткам
заиграет славянская вязь.

Полыхнут петушки гребешками,
жаворонок из глины порхнет,
ива вденет сережку из скани –
ярь кольнет в филиграни тенет.

И распустится куст кровеносный
пережилками рек и дорог,
в безначальной молве околесной
спотыкаясь о каждый порог.

И душа разорвется от шири,
все сибири земли озарив,
и найдет себя, грешную, в мире
подвенечного трепета ив...

ПРОБУЖДЕНИЕ

Ну вот и позади тяжелая зима,
казенные дома, и немочи, и страхи.
За окнами весны мерцает хохлома,
где золото и чернь у времени на плахе.

За окнами кисель обочин и аллей,
ряды нагих раин и проливень небесный,
и улицы милей, и ульи веселей
пчелиной беготней и речью околесной.

Уже не избежать участия в весне,
прикосновенья губ к мелодии дрожащей,
уже не убежать смятенной белизне
от дерзновенья букв, проклюнувшихся
чащей.

Вот-вот заговорит запойный мой скворец
из мертвой тишины живой водицей капель,
вот-вот раздвинет сны волны
резной торец –
и всхлипнет слип вослед, и опустеет
стапель.

Ну вот и позади несносные снега,
немыслимые льды, невыносимый холод
немеющей губы – и прет на берега
взбешенная шуга. И мир грозой расколот...

ЗВЕЗДНЫЙ МИГ

Какие ночи, ах, какие ночи
избытка чувств и недостатка слов!
Летучей мышью тьма метнется в очи,
беззвучно тронув кружевной покров.

Такая смута пополам с отрадой
избытка чувств и недостатка слов,
что вознесись и – бесконечно падай
из пасти Льва на блюдечки Весов.

Таких ночей не пережить без муки
избытка чувств и недостатка слов,
чтоб глухомань запечатлелась в звуке
манящей глушью смыслов и основ.

И мнится мне в пугающем распутье
избытка чувств и недостатка слов
стон голосов, оболоченных ртутью
ночного солнца, и раскол голов.

И длится мне языческое эхо
избытка чувств и недостатка слов,
которому и темень – не помеха,
и тьма веков – не крюк и не засов.

И снится мне, стоящему над бездной
избытка чувств и недостатка слов,
поднебный зык гортани поднебесной
и звездный миг языческих костров...

КАЛЕЙДОСКОП
технология катарсиса

Берем стеклянный разнобой
и в троегранное зерцало
ссыпаем, чмокая губой
в предвосхищении начала.

Берем отдельное стекло
для тыла (непременно с матом),
а с фронта прем зрачок в дупло...
Все остальное – звяк и фатум.

Вращаем. Тихий перепляс
кристаллов так горит и бредит,
что искры сыплются из глаз
и от восторга крыша едет.

Игра случайного стекла.
Углы и грани отраженья.
Нелепость смысл изнемогла
и прелесть – до изнеможенья
в сложенье грани и угла.

ИЮЛЬ

Уже июль – и юнь моя больна:
она в плену разнузданного зноя,
и не унять полуночного льна
ни сном в бреду, ни свежестью ночною.

Из лет моих – нет этого нежней
и жарче, нет мучительнее рвенья
в изнеможенье млеющих корней –
а юнь в крови томит до откровенья.

Ночь не спасет от плавящего дня,
и нагота унять не в силах жара,
которым пекло выюлит меня
и сплюнет пеной с тлеющего жала.

Уснуть, уйти в проволглый плен и лен –
какой там сон! тлен самообольщенья
до одури предутренних ворон,
до пытки без исхода и прощенья.

Куда уйти, когда июль разлит
по всей земле, по жилам и трахеям
так, что душа не дышит, но парит,
грозя пролитьем и томя елеем!

Уже июль – и юность не вольна
вернуть весну прохлады и отрады
в предвестье лета, в благовестье сна...
И тем милей дожди и снегопады.

ХОЗЯИН

Терзая землю кованой тройчаткой
под осенью немеющих стволов,
нет-нет да и потешишься украдкой:
мужик! творец! хозяин! – будь здоров!

Но взвоет вихорь по унылым кронам –
и огорошит проливным ключом:
так вот кто здесь и там стоит за коном!
так вот ты кем и дан, и наречен!

И съежишься величьем человечьим
до той листвы, где каждый невесом,
и с толку сбит, и скручен, и развенчан
Хозяином и – истинным Творцом!

ДОЖДЬ ИЮЛЬСКИЙ

Дождь июльский – душ ночной –
до зари не спит со мной.
Я молчу и душу внемлю,
уходя по капле в землю

ливнем строчек, дробью слов –
мимо дремлющих голов,
мимо мудрых и наивных,
искупавших душу в ливнях

и почивших под дождем
доброй ночи сладким сном
до молочного рассвета
в заливной июльке лета...

Я молчу душе, всплакнувшей
и простывшей. И – смахнувшей
с предрассветной дремы крон
грусть дождя да горсть ворон...

Дождь июльский, шум родной,
где и гром – малыш грудной...

ЗНОЙ

Последние книги листаю,
последние песни пою,
последние листья сметаю
в посмертную урну свою...

Июль изнывает от зноя -
и ель изменяет себе:
опаловым пламенем хвоя
пылает на белом столбе.

Смола закипает по сучьям,
ручьем истекает в полынь...
Летучее стало ползучим,
ползучее стало былым...

Лишь изредка тронет улитка
слезы простывающий путь
да бабочки рыжее ситко
калиткой уткнется в полудь...

Облаткой нечитаной книжки,
баюткой усталой строки
замрут изумрудные вспышки,
в опалые сгинут колки...

ХОЛОП

Пролет за пролетом, ступень за ступенью,
холоп поднимается выше и выше.
Молчит колокольня. Ни медного пенья,
ни древнего скрипа, ни шороха мыши.

Посад озабочен. Народ скособочен
унылой добычей, тяжелой удачей
глотка и горбушки в одышке рабочей,
в грызне человечьей да в ласке собачьей.

А ветер по улицам сор круговертит,
несет по ухабам людей-никудышек,
и если сказать - ни один не поверит,
что рядом пером человечек колышет.

Он, крылья на плечи поднявши, спокоен.
Восходит себе, не считая ступенек
и не задевая чужих колоколен
поденными звяками медных копеек.

Чем дышит? В чем душу упрямую носит?
Какому хозяину станет в убыток?
Каким кулаком огород с него спросит,
пока не откинул крыла до копыток?

Пролет за пролетом, ступень за ступенью
уходит холоп от хозяина к богу
великого духа в упрямом терпенье -
и медь начинает гудеть понемногу...

ПОРТРЕТЫ ПОЭТОВ

РАССЕКАЮЩИЙ ТКАНЬ – СОБИРАЮЩИЙ КАМНИ... (ПОРТРЕТ АЛЕКСАНДРА ПЕТРУШКИНА!)

Так случилось, что книги Александра Петрушкина приходят ко мне в прихотливом порядке, – как будто постарался опытный романист: от середины – к ближайшему итогу – и только затем в начало... Если так читать эти стихи, то в конце концов, возникает впечатление рассыпавшейся перед тобой мозаики – в хаосе разноцветных стекляшек еще угадываются очертания Картины, но вся она уже – иная, чем была: каждая стекляшка – сама по себе: и сама по себе – картина... Связи – брезжут и дышат из еще живых воспоминаний, но смутно, едва. Сквозя и проступая. И все-таки – та, прежняя, единая Картина, будто некий фантом (фантомная боль?), нечувствительно парит над беспорядком и удерживает космос в его призрачной целостности.

Удивилась совпадению своих ощущений с мыслями Ивана Андрощука, написавшего предисловие к книжке «Анатомия» (2005). Андрощук пишет о «фасеточном зрении» автора – зрении ангела и стрекозы... По-моему, очень точная метафора! Взгляд Петрушкина всегда – сверху, хотя может показаться, что он – как многие-многие (имя им – легион!) современные стихотворцы – просто блуждает среди мелочей и оторванных от сущности деталей распавшегося мира. О! в руках ангела Петрушкина – жестокий скальпель! Манера, которая в новой книге (той, что сейчас перед нами) вполне кристаллизовалась, – беспощадное рассечение привычных речевых связей. Хирургическое вмешательство в привычку, воспитанную словарями Ожегова-Ушакова-Шведовой... ибо каждое слово в лексиконе Петрушкина – линза, собирающая смыслы множества РАЗНЫХ словарей: попробуй-ка воспользоваться ею без специальной подготовки! Врачебное насилие над общеупотребительным синтаксисом – читатель должен работать и глазом, и «горлом», чтобы ловить гармонии, создаваемые автором... Вот этот период

пойми никто не виноват
ни в том ни в этом отвечай
из пустоты как урожай
все отражается в вине
пойми закроются глаза
а ты внутри на глубине

все против почему
ты
за?

«горлом» читается так: пойми / никто не виноват ни в том, ни в этом / отвечай из пустоты / как урожай, все отражается в вине / пойми, закроются глаза / а ты внутри, на глубине / все против / почему ты – за?..

Логика зрения и логика «горла», вступая в конфликт, сбивают – структуралистским языком говоря – «автоматизм восприятия», и читатель, загипнотизированный одновременным действием взаимоисключающих ритмов, мучительно напрягается – постигая собственную «глубину»...

Насилие над готовой «онтологической картиной», которая здесь разбита и разбросана, и которую читатель должен теперь заново СОБРАТЬ САМ...

В общем, ангел Петрушкин – со своей иерихонскою трубой и огненным мечом в карающей деснице – заставляет читателя переживать Страшный Суд – ради его же, читателя, блага. Ради Истины-Добра-Красоты, в каковое триединство облечено на земле Царствие Небесное.

Как возможно такое «собирание» – покажу на конкретном примере.

***
на то смиренный человек клюет ранетки
с мертвых яблонь
засматриваясь в водный крест и в прорубь
перечеркнут за день

он пересматривал себя – пока за мышь возилась вьюга
метель себя переждала и переплавила
испуга

предвосхищенье – он входил под своды
теплых снегопадов –
чужой еврей – степной калмык –
и большего уже не надо

на то смиренный человек пересчитал свои убытки
и Бог смотрел из всех прорех – как ленин
в первомай с открытки

он пересматривал свое: хозяйство темные дороги
никчемное но ремесло ранетки
высохшие ноги

он перемалывал себя переменял себя и льдины
вдоль черных яблонь и пруда
горелой глины

на то смиренный человек клевал свои прорехи богу
и холод говорил как смех но
по-другому

нельзя и всходит из воды как сталь сквозь овны
все тот же точный человек
ранету кровный

Кажется, пробиться к пониманию этих «буков» – свыше сил человеческих... Слишком разителен контраст между графикой (будоражащей в памяти и дантовские терцины, и даже что-то сафически-алкеевское – разницею длины стихов в строфе) и разорванным между строфами смыслом. Однако, «насекомая» форма сработана здесь инструментом Левши – виртуозного ювелира и геометра-самоучки. Человек – яблоня – прорубь... Композиционное кольцо (первая и последняя строфы) замыкает смысл в бесконечных ветвях библейских ассоциаций. Человек – смиренный, но и – точный. Он – человек, но он – и птица («клюет ранетки», которые к тому же – плоды более отвлеченных «мертвых яблонь», приобретающих тут же черты конкретных сибирских дичков, которыми зимой питаются снегири и синицы, чьи скромные трапезы оставляют на снегу следы, подобные пятнам крови... это фотографически точная, знакомая каждому сибиряку зарисовка – потому и человек – ранету кровный!). Крещенская символика. Человек – перечеркнут. Он вынужден пересматривать себя ежедневно – и в этот «пересмотр» втянуто культурное поле, вне которого современная мысль не бытует: вот они, тени прошлого и символы крестного пути. Достоевский (мне в этом «за мышь возилась вьюга» сразу почудился Свидригайлов в последнюю ночь перед самоубийством: Так смотрит перевернутое блюдце / Так по спине в постель стекает мышь...) да еще с этаким пушкинским бесовски-ироническим прищуром («испуга» – это ведь из пушкинских сказок... из «Евгения Онегина»... из гоголевских видений). Пушкинский «Памятник» сигналит нам из следующей же строфы – «другом степей» калмыком, – и тут же рядом – и «чужой еврей» (Маркс?), и Ленин с первомайской открытки. Становится понятно, что «человек – себя – пересматривающий» и есть, наверное, тот невольный «совок», каковым каждый из нас «перешел» в расхристанное постиндустриальное сегодня. Сплошные прорехи – кровавые пятна на снегу – ранетка над крещенской прорубью... Клюющий собственные раны птицечеловек. Говорит – как смех. КАК. Но это – не смех. Это – по-другому. Это – Богу. Слезы жалобы и раскаяния. И по-другому – нельзя. Таким образом – на наших глазах совершается жертвоприношение: сталь проходит «сквозь овны» – новый человек восходит из крещенской проруби, из глубины самого себя, – кровавые пятна на снегу обретают полноту мистического значения: это и плоть алого яблока, и язвы Христовы.

Перед нами – картина. Вполне в духе Филонова. Словесная иконопись последнего (?) поколения.

Конечно, это всего лишь моя, читательская, реконструкция. Ни в коей мере не претендую на филологическую обязательность данного текста. Но, думается, по замыслу ангела Петрушкина, примерно такая работа и должна произойти в читательском мозгу – в движении по линиям намеченных рассечений. В эти зияющие борозды (эллиптические пустоты) и должен вывалиться весь имеющийся у читателя культурный запас, чтобы разбиться вдребезги и собраться заново – в словесно-живописное полотно, ради которого автор и старался. На самом деле он все время держит над ухом читателя свой ангельский камертон, и, что бы ни собрал ты у себя в голове, от главной темы не даст тебе уклониться.

Если так читать стихи Александра Петрушкина, то можно проникнуться и их нравственной энергетикой, религиозной по сути, и чувством художественной новизны (хотя традиция, к которой – явно – примыкает Петрушкин, нынче уже весьма богата).

В лучших своих работах он благодатно краток, сдержан и суггестивен (то есть без лишних усилий вводит читателя в необходимое состояние). Что вовсе не типично для представителей вышеупомянутой традиции. Подражать Петрушкину невозможно (хотя попытки не только имеются, но и в изобилии продолжаются). Читать же эту поэзию значит становиться ее соавтором. Каковых соавторов поболе и желает поэту.

Марина САВВИНЫХ

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Любовь Красавина
«Хроническая верность»
Библиотека журнала «Дети Ра», 2010

Новая книга стихов известной поэтессы Любови Красавиной несомненно вызовет интерес у любителей изящной словесности. Темы, о которых пишет поэтесса, волнуют всех — это любовь, страсть, душевные порывы. Красавина пишет очень искренние, непритворно человечные, глубоко женские стихи. Они воспринимаются как исповедь, как самоутешение.

По форме произведения Красавиной несложны — как правило, это силлабо-тоника.

Иногда Любовь Красавина обращается к достаточно неожиданным стихотворным формам, граничащим с прозой. От этого ее стихи не проигрывают, а наоборот, становятся неожиданнее и актуальнее.

Вот, например, фрагмент ее цикла «Микроблог: 166 символов», который был опубликован в восьмом номере журнала «Дети Ра» за 2010 год.

1) 26-11-2009 14:24

Мне не хватает только Твоих губ... читаю ли, думаю, что-то делаю или бездельничаю — всегда всею собою ощущаю Твою нежную чувственность... не хватает только Твоих губ...

2) 30-11-2009 18:41

Люди, как реки, мельчают на глазах: когда кажется, что они достойны лучшего отношения, почти сходу убеждаешься, что и худшие ожидания оказались завышенными.

3) 17-12-2009 20:29

Я хочу! Между — хочу быть твоей — и — хочу владеть тобой! непроглядная пропасть! Я хочу СНОВА глядеть в нее, пока голова не закружится от любви к Тебе, Чудо моЕ!

Форма и содержание в этом стихотворном фрагменте едины. Страсть, как бы зажатая в тисках прозаической формы, все равно пульсирует, рвется наружу. Женское начало проявляется в каждом слове, каждом знаке препинания.

Книга «Хроническая верность» — это совместное творчество. Поэтического творчества Любови Красавиной и графики известного художника Александра Лаврухина. Рисунки дополняют стихи. Стихи заставляют по-новому взглянуть на графику.

Фёдор МАЛЬЦЕВ

РЕКЛАМА

Берлин

Апарт-отели в Западной части города

STEPANOFF-HAUS ТЕПЕРЬ И В БЕРЛИНЕ

Апарт-отели STEPANOFF-HAUS в Берлине.

STEPANOFF-HAUS — составная часть Холдинга «Вест-Консалтинг».

STEPANOFF-HAUS — это одно-двухкомнатные квартиры класса «люкс» в центре города.

Краткосрочная аренда. Трансфер. Разумные цены. Скидки авторам и клиентам Холдинга «Вест-Консалтинг».

Тел. для справок в Москве:

(495) 978-62-75.

Сайт: www.apartments-hotel.ru

Список авторов книг, изданных в «Вест-Консалтинг»

1. Геннадий Айги
2. Галина Куборская-Айги
3. Владимир Алейников
4. Анна Альчук
5. Светлана Артемова
6. Рита Бальмина
7. Роман Барабаш
8. Аркадий Бартов
9. Александр Барынин
10. Юрий Беликов
11. Рита Бальмина
12. Готфрид Бенн
13. Зоя Билютина
14. Сергей Бирюков
15. Михаил Бойко
16. Вир Вариус
17. Александр Вепрёв
18. Верочка Вербина
19. Анна Ветлугина
20. Татьяна Виноградова
21. Виталий Владимиров
22. Вячеслав Воронков
23. Михаил Вяткин
24. Галина Гедрович
25. Евгений Голованов
26. Ирина Голубева
27. Сергей Горбушин
28. Виктор Грушко
29. Ирина Горюнова
30. Андрей Гусев
31. А. Ю. Горчева
32. Татьяна Грауз
33. Борис Гринберг
34. Феликс Гурт
35. Алексей Даен
36. Виталий Дмитриев
37. Елена Ерофеева-Литвинская
38. Анастасия Ермакова
39. Владимир Ермолаев
40. Инна Иохвидович
41. Максим Замшев
42. Сергей Зубарев
43. Константин Иванов
44. Магомед Кадирбеков
45. Татьяна Кайсарова
46. Алексей Караковский
47. Александр Колобаев
48. Юрий Колодний
49. Александр Коновалов
50. Александр Кожемякин
51. Юрий Коньков
52. Ксения Корнилова
53. Владимир Кочетков
54. Любовь Красавина
55. Сергей Кромин
56. Ирина Кронгауз
57. Елена Крыжановская
58. Виктор Клыков
59. Александра Крючкова
60. Алексей Левшин
61. Илья Леленков
62. Слава Лён
63. Аня Логвинова
64. Александр Лысенко
65. Анна Лучина
66. Борис Марченко
67. Вилли Мельников
68. Надежда Мещерякова
69. Юрий Милорава
70. Ольга Моисеева
71. Важди Муавад
72. Антон Нечаев
73. Владимир Новиков
74. Елена Павлова
75. Юрий Перфильев
76. Эдуард Просецкий
77. Викентий Пухов
78. Снежана Ра
79. Иосиф Рабинович
80. Ирина Репина
81. Евгений Реутов
82. Наталья Рожкова
83. Татьяна Романова-Настина
84. Борис Рублов
85. Алексей Самойлов
86. Ольга Симоненко-Большагина
87. Андрей Сокульский
88. Олег Солдатов
89. Владимир Солоненко
90. Виктор Соснора
91. Евгений Степанов
92. Анастасия Степанова
93. Людмила Строганова
94. Сергей Стукало
95. Александр Сыров
96. Ольга Татаринова
97. Александр Ткаченко
98. Дмитрий Тонконогов
99. Леся Тышковская
100. Вальтер Тюмлер
101. Валерий Тюпа
102. Борис Устименко
103. Надежда Ушакова
104. Наталья Фатеева
105. Сергей Фед
106. Александр Федулов
107. Наталия Филатова
108. Сергей Фотиев
109. Евгений В. Харитоновъ
110. Михаил Чевега
111. Александр Четверкин
112. Дмитрий Цесельчук
113. Геннадий Шамрай
114. Олег Шатыбелко
115. Татьяна Шемякина
116. Татьяна Щекина
117. Элана
118. Алексей Юрьев
119. Ия Эско
120. Борис Якубович

ИЗДАДИМ И СДЕЛАЕМ ИЗВЕСТНОЙ ВАШУ КНИГУ

Издательский центр «Вест-Консалтинг» — это многоуровневая и универсальная структура.

Наше издательство издает 5 литературно-художественных журналов, газету «Литературные известия» и поддерживает 7 собственных литературных сайтов. Мы выпускаем книги современных авторов — более 70 наименований в год. Мы продвигаем книги наших авторов на литературном рынке. Мы обеспечиваем распространение книг авторов нашего издательства (и других издательств) в крупнейших магазинах Москвы, Санкт-Петербурга, Саратова, Киева и др. городов.

Авторы нашего издательства получают эксклюзивные возможности PR-сопровождения.

Путь от рукописи до книги и признания в литературном мире Вы пройдете наиболее быстро в издательстве «Вест-Консалтинг».

Звоните: (495) 971-79-25
e-mail: stepanovev@mail.ru
Сайт: www.west-consulting.com

САЙТЫ ПИСАТЕЛЯМ

Компания «Вест-Консалтинг» — лидер в стране по производству сайтов для писателей и других деятелей культуры.

Наша фирма сделала сайты таким знаменитым поэтам и прозаикам, как Олег Чухонцев, Александр Кушнер, Инна Лиснянская, Олеся Николаева, Тимур Кибиров, Петр Образцов, и многим другим.

Успешно функционирует разработанный ООО «Вест-Консалтинг» сайт премии «Поэт».

Мы сберегаем архивы писателей, делаем их достоянием широкой общественности.

«Вест-Консалтинг» — это:

- Создание и сопровождение WEB-сайтов как составная часть продвижения на рынке;
- Сайты-визитки от 500 у.е.;
- Индивидуальный дизайн;
- Предоставление хостинга;
- Регистрация доменного имени;
- Система управления контентом (наполнением сайта) CMS;
- Регистрация в поисковых системах.

По вопросам заказа услуг звоните по телефону: (495) 971-79-25
e-mail: stepanovev@mail.ru
Сайт: www.west-consulting.com

Газета Холдинговой компании «Вест-Консалтинг»
(www.west-consulting.com)
Тел.: (495) 978-62-75
Сайт: www.poetograd.ru

Общественный совет
Арон Гаал (Венгрия), Светлана Дион (Испания), Нелли Пигулева (Болгария), Константин Кедров (Москва), Дмитрий Цесельчук (Москва)

Главный редактор
Евгений Степанов

Шеф-редактор
Наталия Лихтенфельд

Верстка
Марина Кива

Отдел рекламы и связей с общественностью
Ирина Горюнова

Интернет-версия
Максим Жуков,
Николай Баринов
Газета отпечатана в ОАО «Губкинская типография»,
Общий тираж 5000 экз.